

КАВКАЗ

КАВКАЗСКИЙ ЭТИКЕТ

Сборник
Кавказ. Выпуск XXX.
Кавказский этикет

Редакция журнала "Эльбрус"

2019

ББК 26.9 (531) Я2

Сборник

Кавказ. Выпуск XXX. Кавказский этикет / Сборник — Редакция
журнала "Эльбрус, 2019

ISBN 978-5-93681-173-9

Настоящее издание поистине уникально, так как оно вобрало в себя целый ряд разноплановых работ, объединенных общим названием «Кавказский этикет». Это прежде всего «Этюды о кавказском этикете» известного адыгского ученого Адама Гутова, который рассказывает о наиболее важных положениях этикета, являющихся общим достоянием народов многоязычного и разноплеменного Кавказа. Ведя речь о традициях, имеющих многовековую историю, автор говорит и о их нынешнем состоянии, соотношении с современной культурой. Составной частью книги являются публикуемые в приложениях пословицы и поговорки народов Кавказа, затрагивающие общечеловеческие понятия, в том числе и этикет. В контексте разговора о нормах поведения людей в обществе уместными в данном издании видятся сказания о кабардинском мыслителе и общественном деятеле Жабаги Казаноко, пословицы и поговорки Кабардино-Балкарии в переводах Наума Гребнева, вариации на темы кабардинских изречений поэта Руслана Семенова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

ББК 26.9 (531) Я2

ISBN 978-5-93681-173-9

© Сборник, 2019

© Редакция журнала "Эльбрус, 2019

Содержание

Адам Гутов. Этюды о кавказском этикете	6
Вместо вступительного слова	7
О том, что такое этикет, и о некоторых его особенностях	12
О межнациональных отношениях	17
Как нам строить отношения со старшими?	26
Женщина и этикет	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кавказ. Выпуск XXX. Кавказский этикет

© Издательство М. и В. Котляровых, 2019

© М. и В. Котляровы, составление, 2019

Адам Гутов. Этюды о кавказском этикете

В работе «Этюды о кавказском этикете» ее автор, Адам Гутов, попытался логически последовательно рассказать о некоторых наиболее важных положениях этикета, которые являются общим достоянием народов многоязычного и разноплеменного Кавказа.

Во все времена, как и в наши тоже, человек принужден искать суть своего существования на этой земле, способы и формы взаимоотношений с обществом, с ближайшим окружением и самыми близкими людьми. Чем сложнее процессы, происходящие в обществе, тем большие метаний и поисков ожидают молодого человека, желающего найти свое место в жизни и гармонию между собой и всем окружением. Поскольку эта проблема вечна, как история человечества, и поскольку она во всей своей сложности предстает в свое время перед каждым живущим, за многие века истории в обществе сложились определенные нормы и правила взаимоотношений. По сути своей они могут иметь много сходного в самых различных обществах, а по форме – различаться в зависимости от условий жизни и уровня развития культуры.

В основе настоящей книги лежит разработка курса «Кавказский этикет», который Адам Гутов вот уже несколько лет ведет в одной из школ г. Нальчика. В ней освещены только те темы, которые автор сумел разработать с достаточной полнотой. По этой причине данная книга не учебник, а всего лишь пособие, которое призвано помочь получить представление о предмете и побудить к дальнейшим самостоятельным размышлениям.

Естественно, рассказывая о традициях, имеющих многовековую историю, нельзя обойти стороной вопрос об их нынешнем состоянии и соотношении с современной культурой. Поэтому автор просит обратить внимание на то, как можно в современном нам мире, совсем не похожем на традиционное кавказское общество, сочетать культуру наших предков с достижениями человеческой цивилизации нашего времени.

Как очевидно, большинство авторов, на труды которых ссылается Адам Гутов, адыги (черкесы). Будучи и сам из этой среды, он имеет лучшее представление об адыгском этикете, который в прошлые времена почитался и соседними народами. Поэтому рассказывает больше о том, что стало общекавказским, а значит и общечеловеческим по сути.

Вместо вступительного слова

Было это или не было, никто уже не помнит, но рассказывают, будто Кавказ когда-то представлял собой одну большую и вечно цветущую равнину. Здесь росло все, что могло радовать глаз человека и быть ему полезным. Сады манили путников тенью и ароматом спелых плодов. На тучных полях каждый стебелек давал по нескольку колосьев хлеба. Неисчислимы были стада домашних животных на лугах. Стоило ступить в пределы вековых лесов, как откуда ни возмись прямо из-под ног выскакивала разнообразная дичь или мелкое зверье – зайцы и фазаны, лисы и куницы, а если уйти поглубже, то непременно встречались лани, вепри, благородные олени, зубры.

Со всех сторон окружали этот край высокие покатые горы, защищая его и от холодных зимних ветров, и от летней засухи. Жил здесь народ, красивый духом и телом. Если случалась с кем-нибудь неприятность, то каждый принимал ее как собственную, и этим самая тяжкая беда делалась во много раз легче. А когда радость посещала одного человека, все вместе радовались и многократно умножали счастье одного человека.

То ли небесам стало досадно, что люди здесь такие дружные и что этому краю было даровано столько добра и красоты, то ли они попросту решили испытать твердость духа этих людей, но однажды начало разрушаться былое благоденствие.

Сначала насладились небеса на кавказскую землю засуху с неурожаем. Все цветы завяли на деревьях, еще не успев образовать завязи, ни одного яблочка не уродилось во всем краю. Земля, что раньше была щедрой и богатой, превратилась в пыль, и ни одного зернышка не проросло из нее. На месте животворной реки распласталось во всю длину каменистое дно, выжженное солнцем. Леса воздевали к небу свои почерневшие голые ветви, по когда-то тучным лугам ветер гонял шары перекасти-поля. Начался голод.

Как же повели себя люди? Раньше, когда у всех всего было вдоволь, никто не знал цены доброте и милосердию. Теперь же те, у кого хоть что-то оставалось, начали делиться с теми, у кого не осталось ничего. Сильный заботился о слабом. Опытный давал советы молодым и не знающим жизни. Так люди познали цену истинной доброты и взаимной помощи. И это сплотило их еще теснее.

Тогда небеса перечертили всю землю: сделали так, что горы проходили прямо посередине Кавказа. Выше облаков поднялись остроконечные вершины, разделяя некогда единый край на разные части. С этих вершин побежали бурные и грозные потоки, готовые сбить с ног и унести в своей пучине всякого, кто отважится их перейти. Рассвирепевшие реки вырывали с корнями вековые деревья и, играючи, уносили их в море.

Как же люди поступили? Может, они перестали дружить друг с другом? Нет. Только теперь они поняли, что дружба, ради которой преодолеваешь и горные перевалы, и бурные реки, становится намного дороже, это и есть настоящая дружба. Начали они наводить мосты и переправы на реках, прокладывать тропы на перевалах. И еще крепче стали дружить люди на Кавказе.

Тогда небеса предприняли последнюю попытку посеять раздор между людьми: в разных ущельях и разных долинах разделенного на сотни частей края они дали людям разные языки. И перестали люди понимать друг друга, они разделились на множество маленьких народов, у каждого из которых был свой собственный язык. Но разве люди из-за этого стали чужими друг другу? Напротив, стало почетным знать языки соседей своих и иметь кунаков из среды ближних и дальних народов.

Видят небеса, что ничем не могут разрушить людское единство. Махнули они на все рукой и в сердцах сказали: «А, пусть тогда каждый живет, как ему захочется, а мы больше в людские дела не вмешиваемся».

Вот тут все и началось! Каждый хотел жить так, как ему одному угодно, ни с кем не считаясь и ни у кого не спрашиваясь. Может быть, это и было бы хорошо – чтобы каждый мог жить по-своему, как сейчас говорят, по принципам демократии. Но желания одного задевали интересы другого, тот перекрывал путь третьему, намерения третьего сильно ущемляли четвертого... И так все перепуталось, что разобраться было вовсе невозможно. Вот когда пошли ссоры-раздоры, вот когда люди перестали понимать один другого и ладить между собой.

Так получалось, что всегда находился повод подозревать друг друга, ссориться и держать наготове оружие, а то и незамедлительно пускать его в ход. Тяжко стало жить: люди глядят друг на друга волком, хотя этого никто вроде бы и не хочет, всем от того только хуже. А вот как вернуться к прежней жизни – никто не знает.

Крепко призадумались люди, как дальше жить, потому что дальше так жить стало невозможно. Более мудрые из них давно поняли, что нужно вновь учиться взаимной любви, уважению, сплоченности. Нужно заново научиться доверять друг другу и видеть в каждом незнакомом и знакомом человеке свое подобие, а не своего врага.

Что здесь важнее всего? Конечно же, то, как ты строишь свои отношения с близкими, соседями, с дальними знакомыми и вовсе не знакомыми людьми.

Долго опытейшие из мужей искали верные решения. Но самое главное, наверное, было в самом желании искать, в том, что они хотели прийти к согласию и пониманию друг друга. Кто решится сказать, будто взаимное доверие и понимание сразу и без труда воцарились здесь? Чего не было, того не было. Но зато в самом народе сложились правила и нормы, следуя которым, люди могли стать ближе друг другу, не теряя при этом ничего своего. Это и есть то, что мы называем этикетом.

Не знаю, сколько правды в этой легенде, которую к тому же я пересказал в меру моего разумения, но тысячи лет живут народы Кавказа на этом благословенном кусочке планеты вместе; им недостает земли, их донимают нашествия чужеземцев и стихийные бедствия, случаются порою засухи с неурожаями, эпидемии и землетрясения. Люди здесь говорят чуть ли не на сотне разных языков, поклоняются разным богам. Но ни один историк не засвидетельствовал во всем обозримом прошлом такого случая, чтобы между двумя какими-либо из кавказских народов возникла долгая непримиримая вражда. Так было в течение многих веков.

Конечно же, даже между родными братьями происходят бурные ссоры по всяким важным или мелким поводам – то из-за имущества, то из-за межи, разделяющей их владения, то просто по глупости и легкомыслию. На Кавказе между населяющими его народами тоже, естественно, случались столкновения, непонимание, неприятие. Да и в любом обществе случается, что жители одного конца селения простодушно смеются над жителями другого конца, а те в ответ швыряются камешками. Но до вражды, длительных войн, нетерпимости и до неприятия друг друга не доходило никогда.

А надо сказать, что разные языки имеют подчас совершенно разное происхождение, разные исторические судьбы, приведшие на Кавказ различное видение и понимание одних и тех же явлений. Прибавьте к этому и то, что одни народы исповедовали ислам, другие – христианство, третьи – язычество, четвертые – иудаизм. И, несмотря на это, совсем неплохо друг с другом уживались, как говорится, не перестали есть одну пищу из одного котла.

В этом немалую роль играл, по мнению многих сведущих людей, неписанный кавказский этикет. Конечно же, как все неписаное, этикет имеет в разных местностях свои варианты. Так, грузинское застолье проходит не совсем так, как азербайджанское. В свою очередь, то и другое отличны от адыгского во многих деталях. Чеченцы строят свои взаимоотношения между старшими и младшими или же между мужчинами и женщинами не совсем так, как это принято, например, у осетин. Даже не выходя за пределы Дагестана, можно заметить много различий в обычаях населяющих его народов и народностей. Но если эти же стандарты взаимоотношений, в чем-то несхожие у соседних народов Кавказа, сравнивать с тем, как оно соблюдается у

народов, живущих за его пределами, то мы сразу же увидим, что, будучи в чем-то несходными, все же правила и нормы взаимоотношений у разных кавказских народов имеют очень много в такой степени общего, что отличает их от этикетных норм других народов мира. Быть может, особенностью кавказского этикета является то, что он, будучи, по своей сути, общечеловеческим (вернее, таким, что легко понятен человеку любого происхождения, языка и вероисповедания), предоставляет малым группам (маленькому народу или жителям одной местности) свободу некоторого варьирования отдельных частностей. Здесь с древних времен повелось, что никто никого не берется осуждать ни за язык, на котором другой говорит, ни за веру, которую исповедует, ни за блюда, которые предпочитает. Просто каждый старался с пониманием относиться к тому, в какой среде и при каких обстоятельствах что и как принято делать. Говоря проще, внимание обращалось на то, что разных людей сближает, а не на то, что разделяет. И в этом проявилась жизнетворная мудрость, без которой, пожалуй, мудрено было бы сохраниться в окружении разных могущественных соседей со всех частей света.

Но если что вовсе не приветствовалось, так это дикое невежество: за незнание этикета, вернее, за полное неприятие человеческих ценностей все же могли сурово наказывать. Правда, голов не отрубали, кровной вражды за такое не объявляли, и даже в темницу не сажали. Конечно, если вы оскорбили достоинство человека даже невольно, это могло повлечь и вражду, и даже кровь, поскольку здесь честь почитали превыше всего. Если же вы никого не задели, но все-таки проявили полное незнание норм и правил поведения на людях, вас наказали бы, но не с помощью кинжала, а, что чаще случалось, с помощью не менее острого оружия, каким является слово или отношение окружающих. Если, например, грубым невежей оказался молодой человек, то никакая девушка, уважающая себя, не вышла бы за него замуж. Да и родственники ее ни за что на свете не захотели бы породниться с таким парнем. Если же девушка окажется не знакомой с тонкостями обхождения, она могла так и остаться в девах. Стоило человеку один раз оплошать, и это могло обойтись ему утратой уважения со стороны окружающих. Совсем же плохо оказывалось тем, чьи имена попадали в смеховые сатирические куплеты, или тем, кто становился персонажем малых афористических изречений – пословиц, поговорок, прибауток. Имя такого человека становилось нарицательным, а сам он – всеобщим посмешищем. Иногда «герои» таких изречений или песенных смеховых куплетов бывали вынуждены покидать родные места и поселяться на чужбине, чтобы избежать всеобщего осмеяния и унижений.

Рассказывают, что один незадачливый воришка по имени Зулкарней (не хочу называть его фамилии), убегая от сложенной о нем смеховой песни, добрался из Кабарды до нынешней Адыгеи, а расстояние между ними – несколько сот километров. Но, услышав и там долетевшую до тех мест песню о себе, он благоразумно махнул рукой, возвратился на родину, стал упорно трудиться, учиться и достиг немалых успехов. Его история закончилась на редкость благополучно, но иногда дурная слава одного могла испортить и его собственную судьбу, и жизни близких ему людей.

Что же это за такие нормы и правила, которые и варианты допускали, и в то же время столь сурово карали тех, кто от них отступал? Как я уже упомянул, главное заключалось, видимо, в том, что, по сути своей, они общечеловеческие и, хотя доподлинно не повторяют уложений какого-либо западно-европейского или восточного этикета, все же оказываются им родственными по сути и духу. Так, например, в любом большом сообществе людей, наверное, возникают проблемы взаимоотношений между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, между незнакомыми людьми, между сослуживцами, между гостем и принимающим его хозяином. Мало того, видимо, в любом обществе правила хорошего тона предписывают уважать старших, почтительно относиться к женщине, быть предупредительным и радушным по отношению к гостю. Только у разных народов и в разных частях земли это выражается по-разному.

Я уже упоминал о том, что и на Кавказе отдельные нормы и правила имеют свои варианты. Но если взять и сравнить, например, застольный этикет со всеми ритуальными особенностями у двух кавказских народов и у какого-либо народа, который не соприкасался с Кавказом, то можно будет увидеть, насколько наше все-таки более едино и особо в таком, если так можно сказать, общемировом контексте.

Еще на одно обстоятельство я хотел бы обратить внимание, уважаемый читатель. Мы живем отнюдь не в изолированном мире: любая информация может в наше время обойти земной шар за считанные минуты. Люди, живущие в самых разных уголках планеты, имеют возможность знать друг о друге чуть ли не всю подноготную – и об образе жизни, и об обычаях, и о пристрастиях. Конечно, так было не всегда, ибо все-таки большую часть человеческой истории составляет время, когда самым быстрым средством передвижения и передачи информации была не сеть Интернета, не самолеты и автомобили, а обыкновенная лошадь. Конечно же, в ту пору ритм жизни был совсем иной; вкусы и пристрастия, однажды установленный образ жизни могли существенно не меняться в течение целых столетий. Однако никто не скажет, будто в прошлые времена ничего не менялось и никаких передвижений не было.

Кавказ во все времена был столбовой дорогой для многих народов. Кто только здесь не перебивал – и скифы, и гунны, и сарматы, и древние греки, киммерийцы, авары, татаро-монголы!

Всех даже не перечесать. Они приходили, останавливались здесь на некоторое время, вступали в различного рода отношения с местными кавказскими племенами – воевали или заключали мир, разрушали созданные здесь государства и создавали новые. Со временем они все же уходили, уступив место другим пришельцам, или же оставались здесь, смешавшись с местной средой. Наверное, поэтому на Кавказе сейчас представлены народы, являющиеся носителями разных языков, о чем я уже упоминал (так, азербайджанцы, кумыки, балкаро-карачаевцы, ногайцы относятся к тюркской семье языков; армяне, осетины, таты – к индоевропейской семье; абхазы, абазины, адыги образуют ветвь иберо-кавказской семьи; другую ветвь ее представляют грузины, еще одну – вайнахи и некоторые народы Дагестана), разных религиозных убеждений (об этом я уже говорил, но кое-что еще добавлю: на Кавказе имеется несколько ответвлений христианской религии – старообрядчество, русское православие, грузинское православие, армяно-григорианская церковь и др.; есть мусульмане шиитского и мусульмане суннитского толка; кроме того, надо учесть, что разные группы одного народа иногда исповедуют разные религии – есть, например, осетины-христиане и осетины-мусульмане, абхазы-христиане и абхазы-мусульмане; таты-иудеи и таты-мусульмане).

Может быть, само многообразие языков и религий сделало невозможным стремление к господству какого-то одного народа, ибо такая попытка могла бы стать губительной прежде всего для того, кто захотел доминировать. Но кажется мне, что открытое взаимоотношение людей, самых разных по важнейшим внешним признакам, обусловило тягу к взаимопониманию. Люди видели, что и те, кто говорит на ином языке и молится иному богу, тоже такие же люди, как и они сами. Отсюда легко было понять, что главным все-таки является не то, какому богу человек молится, а каков сам человек, как относится к подобным себе и как служит своему богу.

Так или иначе, а за многовековую историю Кавказа сложилась своя особенная общность местных народов, и эта общность характеризуется во многом сходными обычаями, очень иногда похожими у разных народов легендами, преданиями, песнями, пословицами и поговорками, музыкой, даже одеждой. В этом ряду стоит и этикет – свод неписаных принципов поведения и взаимоотношений.

Если бы я решил рассказать обо всем многообразии кавказского этикета, мне не хватило бы и одной, и двух, и трех книг. Да, признаюсь, я и не настолько знаком с этикетом разных народов Кавказа, чтобы взять на себя такую миссию. В этой книжке я расскажу лишь о некоторых из них. Кроме того, из всего кавказского этикета мне более всего знаком свод правил

моего народа, известный на всем Кавказе как адыгский этикет. Вот из него я и возьму то, что оказывается не только по сути, но и по форме проявления общекавказским. Я горд тем, что мои предки в старину умели продемонстрировать такие стандарты поведения и отношения к другим людям, что многие соседние народы стали ставить их в пример. Никак не скажу, что они были лучше, благороднее, благовоспитаннее других, но они не затерялись среди многих. Напротив, другие замечали за ними те качества, которые были им настолько близки и понятны, что годились как пример для подражания, потому что в главном все они были сходными. И если я больше всего буду говорить об этикете адыгов, то подразумеваю под этим то, что близко и дорого любому кавказцу. А по возможности и в меру моих знаний я буду обращаться к нормам и правилам обхождения, которые есть у других кавказских народов.

А если сказать больше, то суть всякого рода правил и норм обхождения между людьми должна сводиться к той категории духовных ценностей, которые считаются общечеловеческими. Ведь, независимо от разнообразия форм выражения, они все направлены на то, чтобы люди, у которых в этом мире разные интересы, разные цели, разные языки и даже разные системы воспитания, могли понимать друг друга. Это особенно важно учитывать в пору формирования мировоззрения человека. Поэтому моя небольшая книга рассчитана на людей, у которых еще только формируется мировоззрение.

Но вначале нам следует получить хотя бы самые общие представления о том, что же такое этикет вообще и как он появляется в человеческом обществе. Этому посвящается первая глава.

О том, что такое этикет, и о некоторых его особенностях

Что делают люди перво-наперво при встрече? Естественно, приветствуют друг друга. Говоря иначе, здороваются. А точнее – желают друг другу здоровья и благополучия и этим обозначают свое благое расположение.

Русское «Здравствуйте!», кабардинское «Узыншэм!» или «ГуэхуфЮхъу апший!» (Да будет дело добрым!), балкарское «Кюнюнг ахшы болсун!» (Добрый день!), общее для народов исламского мира «Салам алейкум!» (Мир тебе!) и многие другие словесные формы приветствия, принятые у многих других народов, означают, по сути, одно – пожелание добра, здоровья и благоденствия.

«Ну и что же, – скажете вы, – мало ли всяких форм приветствия существует на свете!» Конечно же, вы правы. Но почему у всех народов принято приветствовать друг друга и при этом демонстрировать свое доброе расположение? Ведь мы, произнеся свое обычное «здравствуй!», этим самым не просто даем знать о себе, мы даем сигнал о том, что хорошо расположены к собеседнику и, уж во всяком случае, желаем ему только добра. Церемонии приветствия могут быть самые разные, но у всех народов земли они обязательны: принято при этом демонстрировать свое благожелательное отношение и заодно еще – собственную благовоспитанность. Это норма поведения, которая может быть названа общечеловеческой.

Каждый день мы встречаемся с десятками и даже сотнями людей, и если контакт с каждым из них мы будем начинать добрым словом, то у нас во сто крат больше шансов добиться успеха, чем если бы мы начинали с чего-нибудь наподобие сердитого «Пошел к черту!» или же «Тьфу на тебя!». Почему так, объяснять вряд ли нужно. Люди еще в глубокой древности поняли это, ибо встреча с другими людьми – одна из наиболее частых, многократно повторяющихся ситуаций в жизни каждого из нас. И от того, как мы себя при этом поведем, в немалой мере зависит итог встречи.

А теперь обратимся к тем древним временам, когда еще полудикий человек не знал, как следует вести себя при встрече с себе подобными. Не сомневаюсь, что, возможно, он пробовал запустить в него камнем или чем-нибудь поувесистее. Но в ответ он получал скорее всего такой же камень, а быть может, и потяжелее. В самом обществе должен был накопиться немалый опыт, прежде чем человек мог прийти к выводу, что во избежание неприятностей следует встречного приветствовать не только словом, но еще и поднятием свободной от оружия правой руки – в знак полного благорасположения.

Может быть, такое было началом сложения норм и правил взаимного обхождения между людьми. А быть может, началом послужила какая-то другая, также часто повторяющаяся в жизни ситуация. В сознании человека со временем отложилось, в каких случаях как он поступал и что из этого получалось. То, что приносило успех, он повторял в другой аналогичной ситуации.

Так складывались первые «стандарты» общения человека с другими людьми. Вот такие «стандарты» и образуют то, что мы называем этикетом. Кажется, теперь можно попытаться сформулировать рабочее определение этого понятия:

Этикет – это исторически сложившиеся и функционирующие в обществе неписанные правила и нормы взаимоотношений между людьми.

О слове «неписанные»: это означает, что этикет не учреждается законодательно, никем сверху не навязывается, а складывается сам по себе, спонтанно, без волевого действия с какой-либо стороны.

Как мы можем судить, непременным условием возникновения и существования этикета является человеческое общение. Без этого невозможно появление правил и норм, регулирую-

щих наше отношение к кому-либо или же чье-либо отношение к нам. Значит, этикет сам по себе – явление общественное.

Еще на одно обстоятельство хотелось бы обратить внимание. Вы, конечно, заметили, что непременным спутником этикета является приятность речи и обхождения. Если вы умеете быть деликатным, если вы в своей речи и поступках умеете сочетать правильность и красоту, то вы хотя бы поэтому можете считать себя в известной степени этикетным человеком. Конечно же, сказанное мной не означает, что следует быть льстивым и подобострастным. Как раз в этом случае вы были бы столь же бестактны, как и тот, который вместо приветствия рычит: «Пошел к черту!» Просто если человек умеет говорить и действовать одинаково красиво и уместно, то он не только знает правила этикета, но еще и обладает искусством общения. Вот поэтому можно считать, что *в этикете изначально сочетаются практическое знание и искусство*. Говоря иначе, этикет неизменно содержит элемент эстетики – науки о прекрасном. По сути, он и сам может быть назван наукой о прекрасном поведении.

Как здесь не завести разговор о связи этикета с внешним видом! Нередко бывает, что человек еще и рта не успел раскрыть, а просто вошел, но у нас уже складывается определенное мнение о нем. И для того чтобы это мнение было отрицательным, необязательно вошедшему быть грязным, оборванным и лохматым. Иногда отталкивающее впечатление может произвести и слишком изысканная внешность. Так, неприлично будет, если, отправляясь на природу, мы наденем бальное платье. Ведь одеваясь во что-то такое, чего ни у кого нет, мы стремимся показать (сознательно мы это делаем или нет – другое дело), что мы не такие, как все другие. Конечно, то же самое можно продемонстрировать и одеваясь в лохмотья, что и делается некоторыми молодыми людьми в знак непризнания общепринятых условностей. Я веду речь не о том, одобрять или осуждать тех или других, но замечу лишь одно: *своей манерой одеваться люди желают обратить на себя внимание и добиваются иногда приятного к себе отношения или, напротив, скандальной известности*. Хотя могут быть и всякого рода исключения.

Не случайно Пушкин изрек: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей». Можно быть человеком дельным и не забывать ни об одной детали своей внешности. Или, напротив: представим себе человека, настолько поглощенного какими-то важными делами, что ему почти безразлично, как он выглядит. Рассказывают даже, что один из выдающихся физиков нашего столетия однажды явился на заседание ученого совета... в пижаме. Такое случается нередко с людьми высокоодаренными. Другое дело, что никакое оригинальничанье не сделает таковым человека посредственного. Говоря иначе, у незаурядного человека могут проявляться свои странности, но далеко не всякий, кто со странностями, обладает талантом. Нам с вами лучше все-таки не забывать о своей внешности как части и нашей натуры, и нашего отношения к окружающим. Я знавал многих явно выдающихся людей, которые в общении были такими же обыкновенными, как мы все. Просто не следует превращаться в раба каких-то модных веяний или вещей. Такая болезнь особенно распространена среди людей пустых и маловоспитанных: они любят выпячивать свое превосходство, знания, материальное благополучие, поскольку духовно они ничтожны.

Здесь же хотел бы заметить, что быть аккуратным, красиво одеваться не только можно, но и нужно даже самому наидаренному человеку. Вот как по этому поводу сказал один из самых культурных людей своего времени, английский лорд Честерфилд: *«Воспитанность – это единственное, что может расположить к тебе людей с первого взгляда, ибо для того чтобы распознать в тебе большие способности, нужно больше времени»* (Честерфилд. Письма к сыну. Л., 1971. С. 18). А вот кабардинская пословица на сей счет гласит: *«Цыхум узэрыхэхьэр ци лъапэци, уакъызэрыхэкъыжыр ци напэци»* – «К людям выходишь – внешность, уходишь – содержание». Да и хорошо известная русская поговорка достаточно метка: «По одежке встречают, по уму провожают».

Спору нет, очень важно, что «по уму провожают», а вернее, всякого человека общество рано или поздно оценивает по его истинным достоинствам. Но ведь немаловажно и то, чтобы мы с первого раза могли оказать на людей благоприятное впечатление. Внешность и манеры человека оценить куда легче, чем его истинную сущность. В то же время наш внешний вид и умение держаться, умение вести разговор, обходиться с разными людьми – это тоже свидетельства нашего воспитания, нашей человеческой культуры. Если мы выглядим достойным образом и соответственно этому умеем общаться со старшими и младшими, со знакомыми и незнакомыми, с мужчинами и женщинами (а в общении с каждой категорией людей нужны какие-то свои тонкости), то независимо от нашего образования, от деловых качеств, от уровня компетентности в какой-то области мы уже оказываем на собеседника самые благоприятные впечатления.

Но что надо понимать под словами «выглядеть достойным образом»? Разобраться в этом тоже не так просто. Если вы попали на торжественный прием, где присутствуют люди с утонченными светскими манерами, вам будет приличествовать строгий классический костюм и определенный строгий стиль поведения. Это не означает, конечно, что весь вечер вы должны сидеть, насупившись. Отнюдь нет. В рамках приличия вам надо быть и свободным, и даже – где это надо – занятым, ибо скованность, как и развязность, есть признак недостаточно хорошего воспитания. Но преобладать все же должна строгость.

Если же мы собрались на свой школьный «капустник» или просто на занятия, следует выбрать и другой стиль поведения, да и одежду другую. Совсем не похоже ни на то, ни на другое будет, когда мы собираемся на субботник или же, например, мы собрались посетить людей, которые перенесли какое-то тяжелое потрясение. Вот и получается, что выбираемая нами модель правильного поведения и даже нашего внешнего вида зависит от ситуации и среды. Если мы не будем этого учитывать, то можем оказаться не просто смешными, но даже и неприличными. А вообще понятие о приличиях стоит особого разговора.

Расскажу здесь одну из многочисленных историй о знаменитом кабардинском мыслителе и общественном деятеле Жабаги Казаноко. Она очень короткая.

Однажды у Жабаги спросили:

– Скажи нам, как отличить приличное от неприличного?

– Если в ауле сто человек не имеет штанов, а один ходит в штанах, то неприлично надевать штаны, – ответил мудрый мыслитель.

Этот ответ не надо понимать в прямом смысле: в народе принято использовать преувеличения и парадоксы, чтобы назидание надолго запомнилось. Если говорить об истинной сути ответа, то она содержится в том, что человек и своим поведением, и даже внешним видом должен в определенной степени соотноситься с обстоятельствами, с тем окружением, в которое он попал или рассчитывал попасть, с тем родом деятельности, которая ему предстоит. Если, например, мы идем к людям, пострадавшим и сильно нуждающимся, конечно же, не следует непременно облачаться в какой-нибудь хлам. Но одеться все же надо не в яркие, кричащие наряды, а скромно и строго. Да и с людьми говорить будет прилично не в светском тоне, а с теплотой и участием.

Наши предки достаточно владели искусством общения с людьми в разных ситуациях. Одна из важных особенностей кавказского этикета заключается в предписываемой каждому человеку, кто бы он ни был, скромности. Она в немалой степени сглаживала различия. Всяческое желание выделиться во время беседы признавалось знаком дурного воспитания. Особенно не поощрялось, если кто-то выделялся манерами, которые считались негативными (как, например, бахвальство) или неуместными.

Таким же пороком признавалось нашими предками многословие. Здесь кавказский этикет, кажется, весьма родствен законам жизни древних спартанцев. Но, сказать по правде, излишнее многословие не поощрялось, пожалуй, ни в одном обществе.

«Глупость всегда хочет говорить, – писал французский писатель и философ Гельвеций, – но никогда не имеет что сказать» (Гельвеций. Счастье. М., 1987. С. 277).

Многие авторы, которые в XIX веке и ранее писали о нравах народов Кавказа, отмечают, что здесь самые знаменитые джигиты бывают в общении необычайно скромными людьми. Они никогда не бахвалятся, не претендуют на особое к себе отношение, не выделяются из общей среды ни поведением, ни внешним видом. Разве что строже других соблюдают правила и нормы поведения, при необходимости демонстрируя примеры сдержанности, почтения к собеседнику.

Также многие авторы пишут о том, что знатные люди у нас не любили выходить в общество в богатых нарядах. А если бывало, что кому-либо из собеседников понравится какая-то его вещь, князь или знатный дворянин тут же отдавал эту вещь ему.

«Если уорк (уорк (уэркъ) – это дворянин не очень высокого звания; выше всех были князья (пщы), за ними следовали тлеколеши и уорки первой степени (лэкъуэллэш. – А. Г.) увидит на владельце хорошее платье (имеется в виду, разумеется, не женское платье, а вообще верхняя одежда. – А. Г.), шапку или другое и пожелает иметь эту вещь, то владелец не вправе ему в том отказать», – отмечал Шора Ногма, один из самых больших знатоков истории своего народа (Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. 9-е изд. Нальчик, 1994. С. 74). О том же писали и многие другие авторы. Но нам сейчас непросто дать убедительное разъяснение тому, почему же человек высокого звания должен был так поступать. Возможно, что здесь и следует учитывать традиционные этикетные нормы кавказского общества, предписывающие всякому проявлять скромность независимо от положения в обществе и от заслуг.

О любителях выделиться народ сказал лаконично: *«Щауэ хуэмышу – хъэзыр лупэхуиц»* – *«Парень посредственный – газыри белые»*, т. е. нарядные.

Уважающий себя кавказец ни за что на свете не стал бы хвастаться своими подвигами. О нем должны были рассказывать другие, и тогда это была бы поистине достойная слава. Даже в случае необходимости рассказать самому о блестяще выполненном поручении или даже о подвиге, он ограничивался каким-либо иносказательным намеком, но не вдавался в подробное описание своих действий.

Делалось это отнюдь не из ложной скромности, а, напротив, из желания прославиться, ибо быть мужественным мало, требуется еще быть и благородным – это долг каждого, а долгом общества было замечать и отмечать благородные поступки и подвиги.

Я говорю об этом не просто для информации, а еще потому, что мы в наше время уж очень стремимся выделиться. Мы опасаемся, что нас не заметят, смешают с общей массой нашу единственную и неповторимую индивидуальность, а потому всячески выпячиваем себя. Но давайте пораскинем умом, вспомним, кого мы станем выделять для себя из нашего круга: ведь далеко не всегда того, который больше других говорит, кричит и суетится, а чаще всего того, кто спокоен, уравновешен, немногословен, не спешит лезть на глаза всем. Мы ведь его замечаем! Вот и получается, что и в нашей жизни более заметным оказывается именно тот, кто будто бы и не стремится быть замеченным. А крикун-горлопан хорош в большой компании – чтобы скучно не было, чтобы он нас всех развлекал, но доверять ему свои сокровенные тайны мало кто рискнет.

Значит, наши предки давно заметили это и взяли себе за правило – не выделяться или, если сказать точнее, выделяться своей скромностью!

В этой маленькой главе мы не сможем охватить всего, о чем надо было бы сказать, но подведем некоторые итоги.

Итак, мы знаем, что этикет – это явление общественное, возникающее в процессе взаимодействия людей. Он во многом облегчает наше общение и даже скрашивает его, придавая ему некоторые черты искусства. Знание его – один из признаков хорошего воспитания человека. Между тем даже тонкое владение искусством общения с людьми еще никак не свидетельствует о столь же высоких умственных способностях и о душевной доброте человека. Можно не очень хорошо знать этикет и в то же время быть по натуре добрым и хорошим человеком. Может случиться и так, что человек, знающий многие тонкости этикета, окажется не очень хорошим. Но все же этикетность – это часть нашего воспитания, в нем заключены правила и нормы поведения, которые испытаны многовековым опытом всего общества. Лучшие, самые умные и талантливые люди своим поведением, своим умом и опытом обогащали эти нормы и правила. Поэтому знание их поможет всякому стать хоть на немного лучше, чем мы есть. Даже очень хорошим людям это знание поможет достойным образом проявить свои лучшие человеческие качества, а быть может, стать еще лучше.

О межнациональных отношениях

У нас уже заходила речь о многоязычии и многонациональности Кавказа. Говорили мы и о том, что народы Кавказа жили в дружбе и взаимопонимании многие столетия. И если в нынешние времена обществу, а вернее будет сказать – некоторым лицам, которые вышли на арену политической жизни, недостает именно этих качеств, то вполне возможно, что причиной тому забвение старых добрых правил, которые в свое время выработали наши деды и прадеды и оберегали их, как самое большое богатство. В этой главе мы поговорим об этом несколько подробнее.

Но сначала я хочу задать каждому из читателей небольшую задачу: порасспросите ваших отцов, матерей, дедушек и бабушек о вашей родословной. Раньше в нашем крае каждый уважающий себя горец должен был знать свою родословную до седьмого колена. Другими словами – следовало знать имя и происхождение своих предков, начиная с отца и матери (это только первое колено), затем следовали их отцы и матери (ваши дедушки и бабушки – их всего четверо, и они составляют второе колено) и далее, пока не получится семь поколений. Конечно, далеко не все из вас смогут восстановить полные семь колен родословного древа (так оно называется, потому что, если изобразить его на бумаге, получается рисунок, очень похожий на дерево), но я уверен, что и того малого, что вы можете узнать, будет достаточно для одного очень важного для нас вывода: хоть каждый из нас и указывает в графе «национальность» название какого-либо одного народа, на самом деле в родословной большинства из нас окажутся имена людей, говоривших на самых разных языках. Я думаю, что «чистокровные» представители какой-либо национальности в нашем обществе так же редки, как и люди с невероятно большим смешением разных кровей. По большей же части в жилах кавказца течет кровь не одного, а двух и трех народов. Я смею это утверждать, опираясь на очевидные для меня факты. Так, например, чуть ли не в каждом классе каждой школы без труда найдутся трое-четверо учащихся, у которых родители разной национальности. А если обратиться к дедушкам, бабушкам и далее к прадедам? Разве кто-нибудь удивляется, приняв за диковинку, когда кабардинец женится на балкарке, балкарец приводит в дом осетинку, осетин – русскую, грузин женится на армянке и т. д.? Нет, конечно. И это началось не в последние годы или десятилетия: так было всегда. Да и не только на Кавказе: вспомним, что в крови великого Пушкина текла даже негритянская кровь его прадеда Ибрагима (Абрама) Петровича Ганнибала, а Лермонтов происходил из старинного шотландского рода Лермонт. Многие самые древние русские дворянские фамилии имеют варяжское, польское, немецкое, татарское, черкесское происхождение.

Если принять во внимание, что на Кавказе межнациональные смешения были делом намного более обычным, чем в России, то вообще трудно будет найти у нас человека, у которого все предки хотя бы до пятого-шестого колена являлись бы людьми одной национальности. Мне часто приходится вспоминать в связи с этим мое родное село Аушигер. Это село кабардинское, старинное. Но в нем, считая себя кабардинцами, живут потомки русских прародителей (род Урусовых); балкарских (роды Жабоевых, Токмаевых, Чочаевых, Чеченовых, Кушиховых и др.), турецких (Юсуповы), армянских (Казаровы), татар (Хайдуковы) и др.

Есть фамилии, ведущие свое происхождение из Причерноморья, Дагестана, Осетии, Грузии, Калмыкии. Притом это линии, без особых усилий восстанавливаемые, и то лишь по отцовскому роду. Если же копнуть немного глубже в историю, да еще прибавить сюда и женскую линию родословной, то у нас получится не просто дерево, а, боюсь, целый разноплеменный таежный лес!

К чему я это говорю? А к тому, что примерно такая же картина нам представится, если мы станем рассматривать всякое другое селение. Какой из этого вывод? Во-первых, мы должны определить национальность не только (иногда и не столько) судя по родословной, но еще и по

той среде, в которой человек формировался, на языке которой он воспринимает мир и язык которой считает для себя родным. Это, конечно, не значит, что национальностей как таковых нет. Они есть, но просто между разными национальностями нет такой очень уж большой разницы, особенно – если народы живут на близком расстоянии друг от друга и представители их часто контактируют. Хочу быть правильно понятым и потому прошу учесть, что я никак не отрицаю национальной специфики ни одного народа. Я просто хочу сказать, что никакими китайскими стенами мы друг от друга не отгородимся ни в своей культуре, ни в истории, ни даже в своем языке.

Кстати о языке: кто из вас хотя бы держал в руках словарь иностранных слов, употребляемых в русском языке? Есть такая толстенная книга, которая постоянно дополняется и переиздается через несколько лет. У меня этот словарь двенадцатого издания (1979). В нем, как указано в аннотации, «около 19 тысяч слов, в разное время заимствованных русским языком из других языков, а также слов, образованных из элементов древнегреческого и латинского языков». Со времени выхода этой книги в свет русский язык несомненно пополнился многими иноязычными словами; их оказалось так много, что появилась еще одна книга. В свою очередь, и сам он пополнил некоторыми исконно русскими словами какие-то другие языки мира. И это неудивительно, ибо взаимодействие, взаимообобщение, взаимопроникновение языков и культур – это один из важнейших признаков полнокровной жизни общества.

Однако мы отвлеклись от нашей темы. Давайте разберем вот такую ситуацию: я кабардинец (варианты – русский, балкарец, осетин, грузин, еврей, абхаз и пр. и пр.) – должен ли я гордиться этим и радоваться тому, что я принадлежу именно к этой национальности, а не к какой-либо другой? Быть может, я, напротив, должен тяготиться этим, чувствовать свою неполноценность? Или же я, считая все народы абсолютно равноправными, буду безразличен к своей национальной принадлежности?

Оставим на время вопрос о том, как должно быть, и посмотрим на то, как дело обстоит в действительности. А в действительности дело обстоит так, что большинство людей, как правило, вполне довольны своей национальной принадлежностью, если не сказать, что вопрос о том, быть или не быть довольным, для них и не возникает. Почему же не возникает? А потому, что человек обычно воспринимает свое происхождение как данность, не зависящую от него.

Как писал наш выдающийся поэт Алим Кешоков, никто не спрашивает у человека, когда он хотел бы явиться на этот свет, кого бы хотел избрать себе в родители, наклонности к каким занятиям он хотел бы иметь. Да, действительно, никто не волен выбирать время и место своего рождения, не волен выбирать себе национальность и отчество. А если бы вдруг представилась возможность все это поменять на любое другое, то сомневаюсь, чтобы нашлось много таких людей, которые бы выбрали не своих, а других родителей и другую национальность. Подумайте сами и признайтесь себе: хотели бы вы поменять свое происхождение – отца и мать, фамилию, национальность? Если да, то кого бы выбрали себе в родители, какую фамилию взяли бы и какая национальность вам больше по душе, чем ваша? Думаю, охотников найдется совсем немного, и не исключено, что таковых среди вас и вовсе не окажется. По большому счету, не всякий захочет быть сыном даже английской королевы, если для этого непременно надо будет отказаться от родной матери.

Конечно, мы конфликтуем со своими домашними, мы порою бываем невысокого мнения о нашей бытовой культуре, мы сильно раздражаемся при виде отдельных неприятных сцен нашей обыденной жизни. Но будем перед собой честны: разве мы можем из-за этого полюбить чужое больше, чем свое родное? Нет, конечно. Так уж устроено наше сознание, что мы одинаково ясно ощущаем близость родного и достоинства чего-то чужого, но менять их местами не захотим.

В связи с этим я предлагаю отступить от темы разговора еще на один шаг и немного пофилософствовать. Каждый человек, каким бы необъективным он ни был, все-таки не может

скрыть удовольствия, когда он слышит добрые слова о своих предках. Уж во всяком случае, это ему доставляет больше удовольствия, чем упоминание об их пороках. Нам нравится слышать и знать, какими мудрыми или сильными и смелыми были наши деды и прадеды, как много было в них благородства и могущества. Конечно, не всем доводится родиться от всемирно известных знаменитостей, и не каждому выпадает честь быть представителем великой нации, оказывающей решающее влияние на судьбы всей планеты. Но каждый находит в своих родных корнях образцы для поддержания высокого духа. Я уже упоминал, что я кабардинец, происхожу из простой кабардинской семьи. Чем же мне гордиться? Я горд, что принадлежу к народу, на языке которого созданы потрясающей красоты звучания и глубокого содержания песни, величественный нартский эпос, чарующие мелодии. Это все – мое достояние, мое духовное богатство, доставшееся мне по наследству. Мне досталась по наследству слава знаменитых воинов-черкесов, которые известны миру громкими победами и высоким благородством. Кто-то из них возглавлял войско российского царя, кто-то – турецкого султана или египетского правителя. Кстати, черкесы правили в средневековом Египте на протяжении целого века с четвертью; да и после этого оказывали важнейшее влияние на политическую жизнь этой древней страны. Мои соплеменники известны как участники прогрессивных и национально-освободительных движений во многих странах. Кроме России здесь надо назвать Турцию, страны Ближнего Востока и Северной Африки. Предметом моей национальной гордости являются люди, оказавшие или оказывающие влияние на те или иные стороны духовной и интеллектуальной культуры современности – выдающийся поэт и писатель Алим Кешоков, великий дирижер Юрий Темирканов, уникально талантливый физик Мурадин Кумахов. Первый из них своими стихами и романами внес вклад в прогрессивное развитие советской и российской литературы, второй стал одним из величайших музыкантов нашего времени, третий совершил открытие, позволяющее мировой науке сделать качественно новый шаг в своем развитии. Есть немало других людей, быть может, менее знаменитых, но также достойных, талантливых, сильных, честных, умелых, которые позволяют мне с гордостью говорить, что мой народ талантлив и прекрасен. И я счастлив тем, что принадлежу к одной с ними национальности. Не в меньшей степени я горжусь своей фамилией. Правда, она не царская, мои предки – простые люди, жившие своим трудом и разумением. Но среди них были достойные воины и сказители, кузнецы и земледельцы. И разве мало этого, чтобы испытывать чувство собственного достоинства за свое происхождение?

Все сказанное, начиная со слов «Чем же мне гордиться?», наверное, может сказать о себе любой из моих родственников. Может то же сказать и любой кабардинец. Так что же, я могу теперь воскликнуть: «Как здорово, что я кабардинец»? И я могу сказать другому: «Я кабардинец, поэтому я лучше тебя»?

И могу, мотивируя этим, утверждать свое превосходство во всем?

И могу повелевать другими?

Разберем сначала такое обстоятельство. На место слова «кабардинец» поставим «грузин», «чеченец», «балкарец», «осетин», «аварец», «ногаец», «абхаз» или любое другое слово из этого ряда. Что же у нас получится, если мы хорошо знакомы с историей того народа, название которого мы взяли? А получится то, что каждый раз мы будем обнаруживать и образцы величия, мужества и доброты, выносливости и мудрости, красоты и высокой духовности. Это все – независимо от национальной и семейной принадлежности и от всяческих особенностей родословного древа. Нет народа, не имеющего своей славы. Получается, что каждый человек имеет моральное право сказать: «Как хорошо, что я такой-то национальности!» Но никто не вправе добавить: «...а не такой-то».

Дело не только в том, что, например, история Грузии, Осетии, Дагестана не менее богата страницами проявления замечательного народного духа или же выдающимися личностями. Здесь надо учитывать и другое обстоятельство: очень многое, что составляет национальное

достояние одного народа, связано своими корнями с явлениями иного происхождения. Так, например, я называл имя Юрия Темирканова. Он кабардинец, сын кабардинца и кабардинки. Но одним из его первых учителей-наставников был композитор и педагог Трувор Шейблер, еврей по национальности. Нет сомнений, что этот человек оказал большое влияние на формирование музыкальной культуры будущего выдающегося дирижера. В свою очередь, сам Шейблер представлял русскую классическую школу в музыкальном искусстве, поэтому он обязан своим знанием и умением великой русской музыкальной традиции. Да и сам Темирканов тоже получил музыкальное образование именно в традициях этой школы, которая – опять же в свою очередь – является ветвью европейской и мировой музыкальной классической школы. Вот и разберите теперь, кто может гордиться искусством этого замечательного дирижера: скорее всего все вместе, без учета национальности: он – общее драгоценнейшее достояние всех, кто любит музыку и искусство. И это не исключительный случай, а закономерность, когда выходец из одного народа сложился как личность благодаря знаниям, опыту, традициям не только своего, но и других народов. Поэтому все мы по своей сути в известной степени интернациональны, вернее – принадлежим многим национальностям, что никак не мешает нам быть выразителями своего национального духа.

Я намеренно меньше говорю или совсем не говорю о великих народах, вклад которых в мировую культуру очевиден. Но даже у самых малочисленных народов есть и своя история, и свой исторический опыт, которые составляют его безусловное достояние. Нет народов отсталых в духовном отношении, есть народы, культуру которых мы пока еще плохо знаем и плохо понимаем. Не могу не рассказать об одном поучительном уроке, который я получил много лет назад, еще в годы учебы в Москве в аспирантуре.

На Дальнем Востоке обитает один из самых малочисленных народов нашей страны, нивхи. Из этого народа происходит замечательный российский писатель Владимир Михайлович Санги. В аспирантские годы – а это было в начале семидесятых – мне довелось близко познакомиться с ним и увидеть, насколько богата душа не только его самого, но и маленького народа, достойным сыном которого он является. Как раз к этому времени Владимир Михайлович получил в Москве квартиру и однажды пригласил меня к себе в гости. Я с удовольствием принял приглашение и, как-то не осознавая комичности своего намерения, решил показать ему, что такое истинно кавказский этикет. На стипендию аспиранта особо не разгонишься, но я все-таки купил букет цветов – его жене, игрушку – для дочери и шампанское – для символического скрепления дружбы. Легкомысленно решив, что в приложение к этому моей глупой болтовни будет достаточно, я направился в гости.

К подъезду его 16-этажного дома я подошел на 3 минуты раньше условленного времени, чтобы минута в минуту позвонить в дверь. Еще издали неожиданно для себя я увидел моего товарища: он стоял на ступеньках, а рядом с ним – жена с малюткой-дочкой на руках.

– Наверное, вышли подышать? – довольно беспечно сказал я после приветствия.

– Почему же, – спокойно пояснил мне Владимир Михайлович, – разве не принято гостя встречать у входа в дом.

Видимо, он за время недолгого знакомства со мной уже понял, что я не имею достаточного представления о культуре народов его родного региона и во избежание недоразумений очень деликатно, обиденным тоном стал вводить меня в курс:

– Знаешь ли, у нас прием гостя – это целый ритуал, который начинается встречей и вводом в жилище.

После этих слов я понял, что мне вряд ли удастся чем-то блеснуть, – дай Бог тут не опростоволоситься. У меня достало сообразительности время от времени спрашивать моих хозяев о том, что и как следует делать дальше. И, уверяю, я узнал немало важного и поучительного о взаимоотношениях гостя и хозяина, о расположении мест за столом, о последовательности застольных разговоров, о подаваемых блюдах, об обязательных в данной ситуации благопоже-

ланиях. Это был не известный мне кавказский этикет в его модифицированной московской разновидности, а совсем иная, но такая же стройная и строгая система. Эта система была по своему логична: она полностью соответствовала тому укладу, тем обстоятельствам, в которых веками жил в полном согласии с природой и всем окружающим миром нивхский народ, микроскопически маленький по численности, но такой же мыслящий, такой же талантливый и прекрасный, как и все другие на этой земле.

Поэтому, если говорить по справедливости и по сути, то на свете нет народов с низкой культурой. Есть, конечно же, народы, которые в силу обстоятельств оказали и оказывают огромное влияние на другие народы или же на все человечество, но, согласитесь, это происходит не только потому, что их культура выше. Культура каждого народа в основных своих проявлениях соответствует его истории, тем обстоятельствам, в которых этот народ жил и творил.

Из всего этого следует, что надо с одинаковым почтением относиться к любой незнакомой культуре, не удивляясь, если многое в ней для нас необычно, а может быть, даже противоречит нашим представлениям о разумном.

Не удержусь еще от одного отступления. Как, наверное, известно, в XIX веке, до 1864 года, на Кавказе шла война: стремительно набирающее мощь Российское государство, расширяя пределы своей империи, вело на протяжении почти ста лет истребительную войну с горцами. Не будем вдаваться в то, кто в этой войне был прав, а кто виноват – это дело, быть может, бесперспективное, ибо Российскому государству жизненно важно было прочно утвердиться на этой территории, а кавказцам, естественно, важно было защищать свою землю, свою жизнь и свободу. Речь я веду о другом – о методах ведения войны. Среди российских генералов, офицеров да и рядовых солдат было немало людей благородных и высококультурных. Но были и такие, которые всех кавказцев называли не иначе как бандитами, неисправимыми дикарями и пр. и пр. Одним из таковых был некий генерал Засс, немец по происхождению. Считая своих противников варварами, он использовал против них изощренные варварские способы – беспощадно выжигал аулы, всячески унижал человеческое достоинство горцев, насаживал на частокол и выставлял на всеобщее обозрение отсеченные головы убитых черкесов.

Черкесы же имели свое, рыцарское, представление о методах ведения войны, и они не раз давали знать о том «просвещенному» генералу. Однако их предупреждения не возымели никакого действия. Тогда двое смельчаков из черкесского воинства решили весьма своеобразным способом преподать ему урок. Смелчаки выкрали дочь генерала Засса и в течение долгого времени держали ее у себя. Какие бы ни предпринимались поиски, все было безуспешно. Но в один прекрасный день похитители сами известили русских, что в такое-то время они привезут генеральскую дочь прямо в дом отца. Как и обещали, они доставили ее домой, причем по всем правилам обхождения с девушкой знатного происхождения, принятым у кавказцев. К тому же она была хорошо ухожена, разодета в богатое черкесское платье и отнюдь не выглядела несчастной пленницей.

Когда после первых минут радостной встречи жестокий генерал приказал, было, схватить дерзких похитителей, неожиданно для всех за них вступилась их бывшая пленница. Она заявила отцу, что за все время пребывания у горцев ее ни в чем не унижали, а, напротив, воздавали почести, достойные ее сана. Также она рассказала, что во время пребывания среди черкесов ее обучали утонченным правилам обхождения, занятиям, достойным знатных особ, языку и обычаям; из всего этого она вынесла заключение, что черкесы отнюдь не дикое племя, а народ с высокой культурой, которая ее поразила и по-настоящему пленила. А если кто и проявляет дикость, так это те, кто в войне с ними использует глубоко чуждые человеческой морали варварские методы.

Не знаю, насколько этот урок возымел действие, но для нас это еще одно подтверждение того, что не следует никогда высокомерно относиться к чужому только потому, что оно не похоже на наше.

Хочу теперь сказать о другой стороне затронутой темы – о моральной ответственности человека за свою среду. Что двигало ретивым немцем Зассом, который, став российским генералом, решился воевать неподобающими способами? Видимо, ограниченность мышления и жажда карьеры. Но вместе с нею еще и порок, заложенный воспитанием: его не научили уважать чужое и стремиться к познанию чужого. Я уверен, что доведись ему это, с немцами он воевал бы не такими методами, ибо они были носителями одной с ним культуры. А поскольку он был не научен понимать «земли чужой язык и нравы», то допускал, что здесь дозволено все. Между тем здоровые этические правила любого народа осуждают бессмысленную жестокость, ибо проявляющий ее, прежде всего, бросает тень на истинное благородство своих воспитателей. Недостойные поступки унижают, прежде всего, тех, кто их совершает, но не тех, против кого они совершаются. Закон «Я сильный, потому и прав!» – это закон бандитов с большой дороги. Как известно, бандит снимает с себя всяческие моральные обязательства, но для всех других их поступки есть выраженная, демонстрируемая культура той среды, к которой они принадлежат. Если я где-то струсил, солгал, сделал пакость, то мой поступок характеризует не меня одного, но также: моих предков – ибо от них я унаследовал порок, проявившийся во мне; моих соплеменников – ибо если хоть один способен на бесчестный поступок, значит, вся среда не столь уж хороша; моих потомков – ибо и они становятся наследниками не только славы предков, но и их позора; значит, я обрекаю их на позор.

Поэтому в своем поступке я ответствен не только перед самим собой, не только перед каким-то одним человеком, а и перед своими предками, современниками и потомками, на которых я бросаю тень.

Конечно же, мы глубоко не правы, когда при виде одного недостойного человека или небольшой компании мерзавцев судим о целом народе: «Все они такие!» Слава Богу, что не все «такие», но все же одного «такого» с лихвой достаточно для позора.

У Жабаци Казанокко однажды спросили:

– Сколько у тебя детей?

– Один сын.

– Одного мало, – с сожалением произнес спрашивающий, на что Жабаци изрек:

– Ничего, если он будет таким, как надо, мне одного хватит, а если станет каким-нибудь негодяем, его одного хватит на всю Кабарду!

Адыгейцы не зря говорят: «Добро лишним не бывает, в избытке бывает только зло».

Одна из самых противоречивых фигур нашего столетия, В. И. Ленин, по этому поводу безапелляционно замечает: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Пусть кто-то совершенно не приемлет автора этих слов, а кто-то готов сложить за него голову на плахе, – независимо от споров вокруг самого Ленина, смею утверждать, что это его изречение глубоко верно. Мы, явившиеся в этот мир чьими-то наследниками и связанные в этой жизни тысячами нитей с тысячами человек, не только ответственны перед предками, современниками и потомками, мы еще ответственны за «ошибки отцов» (говоря словами Лермонтова) и заблуждения потомков. В первом случае нам надлежит смыть печать позора со своего рода, во втором – ответственность за то, что мы же не додали своим младшим достойных человеческих качеств.

«Ну хорошо, – скажете вы, дорогой читатель, – но при чем здесь межнациональное отношения?» А при том, я хочу сказать, что, строя свои взаимоотношения с людьми многих национальностей, мы обязаны совмещать в своем активном сознании гордость за славу наших предков, а эту славу приумножить своими делами, ответственность за себя и своих потомков перед теми, кто эту славу заслуживал, боль за прошлые ошибки и искреннее стремление эти ошибки (чьими бы они ни были – нашими ли собственными или наших далеких предков) исправить.

На Кавказе всегда обращалось внимание на происхождение человека, который чем-то проявил себя, и слава его или позор становились славой или позором не только его семьи и фамилии, а всего народа. Надо сказать, что в первую очередь внимание все же обращалось на лучшее в людях.

Каждый народ, конечно же, сохранял представление о своем высоком достоинстве. В то же время каждый считал своим долгом отметить лучшее в своем соседе. Так, в чеченских историко-героических песнях *илли* главный герой, – чаще всего, конечно, это чеченец – имеет *верного друга – грузина, кумыка, аварца или кабардинца*. В свою очередь, *кабардинцы слагали песни о чеченском абреке Зелимхане, ингуше Агурби из рода Гагагаж, карачаевцах братьях Канамате и Касбулате. Балкарцы и карачаевцы пели о трагической участи рода кабардинских князей Жансоховых и пр. и пр.* Таких примеров множество, и свидетельствуют они о том, что Кавказ в сознании людей представлялся не просто местом случайной встречи чужих друг другу людей, а сообществом разных народов.

Сама природа позаботилась о том, чтобы люди у нас нуждались друг в друге. Здесь, на территории сравнительно небольшой, представлены многие климатические зоны – от полупустыни до вечных снегов. Здесь и плодородная равнина, и знойная степь, и лесостепь, и могучий пояс дремучих лесов, и альпийские луга. Когда в одной местности год складывается неблагоприятно, в относительной близости есть благополучные места, откуда можно получить поддержку. В следующем году может все сложиться наоборот...

В предгорной зоне природа благоприятствует земледелию, а в горах земли мало да и климат не позволяет получить достаточно урожая. Зато в горах раздолье для скотоводства. Многообразие климатических условий делало жителей разных регионов нужными друг другу. Поэтому издревле у кавказских народов авторитетом пользуется *человек, имеющий друзей*, а еще лучше родственников, которые живут на далеком расстоянии от него или принадлежат к другому народу. У кабардинцев изобилие в нашем крае традиционно связывалось с балкарцами, у которых всегда было много скота и, значит, продуктов животноводства. Я хорошо помню, как в годы, когда балкарцы были выселены с Кавказа, мой дед повторял одну фразу: «Все равно, пока балкарцы не вернутся, на нашей земле изобилия не будет!». Так говорили или думали все разумные люди в те времена. Интересно, что и у балкарцев благополучие и изобилие связывались с Кабардой, о чем есть даже небольшая притча, записанная еще в XIX веке.

Я уже говорил, что кавказские народы редко когда воевали друг с другом; вражда между отдельными народами была явлением исключительным и непродолжительным. В то же время перед лицом большой угрозы извне наши народы умели объединяться и оказывать друг другу поистине братскую помощь. Предание о Каракашкатауской битве гласит, что одно из нашествий крымского войска чуть было не закончилось трагедией для кабардинского народа: силы обеих сторон в битве были истощены; к исходу третьего дня непрерывных сражений крымцы даже стали в некоторых местах теснить обороняющихся. Но в решающий момент со стороны гор явилось ополчение горцев. Свежие силы решили судьбу жестокого сражения, и крымское войско было разгромлено. Об этом пишет и Шора Ногма в своей «Истории...». В свою очередь, кабардинская конница не раз выступала в поход по тревожному сигналу грузинских царей, на землю которых нападали турки и персы.

Таким образом, взаимосвязи между разными народами стимулировались многими обстоятельствами.

Султан Хан-Гирей писал в «Записках о Черкесии»: «Каждый старается иметь кунака в отдаленной стране и прибегает к нему в случае нужды, а посредством связей, каковы всякий имеет в чужой земле, сближаются между собою все народы или, по крайней мере, есть возможность к взаимному их сообщению. Лучший и весьма употребительный способ обеспечить себя от разбоев на случай переезда из одного места в другое состоит в приискании надежного кунака...» (с. 304).

Добавим к этому, что Кавказ не обходился без изделий дагестанских златокузнецов, гончаров и других мастеровых людей, без изделий адыгских мастериц златошвейного дела, без ногойских и балкаро-карачаевских шерстяных ковров-кийизов, без татов «коробейников». Поэтому принципы человечности и этикетности имели и свои довольно веские материальные основания.

У нас, кавказцев, говорят так: «Покатишь по дороге камень – с ним же и повстречаешься». Это примерно соответствует русскому: «Каков привет, таков будет и ответ». Две сотни лет назад появились в Кабарде таты, или, как их называют, горские евреи. Очень быстро многие из них выучили кабардинский и балкарский языки и наладили мелкую торговлю: с небольшой поклажей на спине или нехитрым своим товаром на осликах они заходили во все самые отдаленные аулы, доставляя людям жизненно важные для натурального хозяйства вещицы – отрезки материи, нитки, иголки, посуду, другую хозяйственную мелочь, без которой трудно было обойтись крестьянину. Их принимали с радостью и радушием, давали заказы к следующему приезду (которые непременно выполнялись), с удовольствием оставляли у себя на ночлег. Одним словом, они органично вписывались в быт кабардинцев и балкарцев. И совсем неудивительно, что в дни фашистской оккупации нашей республики ни одного из горских евреев наши соплеменники не выдали немцам. Это была благодарность кабардинцев за то добро, которое таты делали им.

Все это, – и далекое и сравнительно близкое, – теперь уже история, из источника которой нам предстоит черпать уроки мудрости и человечности.

Этикет кавказских народов не содержит конкретных предписаний о том, как и что следует делать при встрече и продолжительных контактах именно с людьми иной национальности. Видимо, это не по причине недостаточной разработанности этикета, а потому, что люди не ощущали в том особой необходимости, ибо национальный признак не был столь существенным, как, например, возрастной. Правила взаимоотношений между старшими и младшими разработаны у нас довольно обстоятельно, так же, как и правила взаимоотношений между мужчинами и женщинами или же между гостем и хозяином.

Возможно, наши предки не проводили между людьми особо резких границ по национальной принадлежности. Все народы Кавказа осознавались как некое большое сообщество, в котором ни одному из народов не было тесно для проявления своих особенностей. Без этого, наверное, было бы невозможно возникновение знаменитого кавказского костюма, сходного у многих народов Кавказа, танцев и танцевальных мелодий, сходных обычаев и правил этикета.

Я не специалист в области истории одежды или в области истории хореографии и музыки, поэтому не могу взять на себя смелость судить о том, у какого из кавказских народов впервые появилась черкеска с газырями (хотя многие говорят, что именно у черкесов), у какого появились тонкие мужские пояса, украшенные серебром, у какого – горячий танец под названием «лезгинка», а у какого та или иная замечательная мелодия. Боюсь, что и специалисты, знающие во много раз больше меня и больше любого гражданина, не будут в этих вопросах единодушны. Не только потому, что они не хотят признавать истину и будут упрямо твердить свое, а потому, что найти такие доказательства, с которыми вынуждены будут согласиться все спорщики, очень и очень трудно, если вообще возможно. Наверное, это и не очень уж плохо, потому что многое из того, что стало по праву именоваться общекавказским, создавалось совместным творчеством не только разных людей, но и разных народов, населяющих наш благословенный край. И если происхождение многого из того, что мы называем словом «кавказский», молва приписывает моему народу, то она не дает мне право кичиться этим. Напротив, на плечи мои ложится больше ответственности за репутацию моих предков, за необходимость быть достойным их чести и приумножить их добрую славу. Это очень непросто, потому что если я не окажусь на должном уровне, то навлеку позор и на себя, и на потомков. А на Кавказе, как известно, позор считался во все века страшнее самой смерти.

Вот, пожалуй, и все о межнациональных отношениях. Да, напоследок об одном универсальном принципе. Когда два мальчика подерутся, а тут окажется кто-то из старших, он обычно заступался не за своего, а, напротив, своего суровее наказывал. Это очень здоровый народный принцип, особенно в межнациональных отношениях: если вдруг возник конфликт на национальной почве, ни в коем случае не следует заступаться и выгораживать своего только потому, что он с тобой одной крови; надо от него требовать большей мудрости, большей терпимости и дальновидности, чем от чужого. Пусть все претензии направляются прежде всего в свою сторону, а доброжелательность – в сторону другую, – и тогда в межнациональных отношениях (да и вообще во взаимоотношениях между людьми) будет место только добру. Ну а если мы, не заботясь о том, кто насколько повинен в конфликте, станем выгораживать своего только потому, что он свой, то и другая сторона может образовать такую же группу. И получится, как в одной армянской сказке: человек ударил собаку, хозяин – того человека, за того заступились одни, за этого – другие, потом деревня пошла на деревню, а поскольку эти две деревни разделяла государственная граница, кончилось все большой войной. Этого никак допускать нельзя. Один мудрец изрек: *«Из двух ссорящихся больше виноват тот, кто умнее»*. Это особенно важно учитывать, когда эти двое принадлежат к разным национальностям и, значит, невольно ответственны не только за себя, а за свои народы.

Как нам строить отношения со старшими?

На одном из древнеегипетских папирусов ученые прочитали сетование некоего пожилого египтянина о том, что молодежь стала непослушной и не желает жить по законам старших, и если так будет и дальше, то старые добрые традиции будут утрачены. Аналогичные жалобы донесли до нас письма времен Древней Греции и Римской империи. Бывало такое и в более поздние времена. А упомянутый уже мною сэр Честерфилд, который жил в XVIII веке, заявил следующее: *«Поглядишь на теперешних отцов, и кажется, что не так уж плохо быть сиротой, а поглядишь на сыновей, так кажется, что не так уж плохо остаться бездетным»* (Письма к сыну. С. 194).

Из сказанного можно предположить, что проблема взаимоотношений между людьми разных поколений (или по названию романа И.С. Тургенева – проблема «отцов и детей») необычайно стара. Да, это так, но во все времена она была достаточно актуальна, чтобы общество обращало на нее внимание. А если сказать по правде, то есть основание полагать, что проблема эта – ровесница самого человеческого общества. Очень часто случается, что люди разного возраста по-разному видят мир со всем многообразием вещей и явлений в нем. А поскольку изменения во взглядах происходят довольно медленно, человек может их не замечать; и когда со временем он сталкивается с тем, что кто-то, гораздо младше его, воспринимает явления совсем не так, как он сам, происходит взаимное недопонимание. На стороне старшего – жизненный опыт, ставший мудростью, а также трезвое видение мира, но у него меньше энергии и потенциальных возможностей; в активе младшего – жажда познания и энергия растущего организма, но у него отсутствует достаточный опыт. Последнее обстоятельство очень важно: как правило, чужой опыт, то есть опыт старшего, усваивается только на какую-то часть, а многое может стать достоянием личности только в результате собственных проб, ошибок и находок. Отсюда желание младших быть самостоятельными и недоумение старших, которые видят, как их подопечные набивают себе шишки, доставляя этим неприятности и себе, и родителям, и многим другим. Вот так возникают противоречия со времен первых людей и до наших дней...

А теперь представьте себе, дорогой читатель, такую картину: на опушке дремучего леса расположилось поселение людей первобытного общества. Вечер, стало холодать, и все устроились вокруг большого костра, на котором поджаривается мясо животного, убитого смелыми охотниками из этой общины. На самом удобном месте устроился шустрый мальчуган, который к тому же успевает ухватить лучшие куски мяса. Как должен на это смотреть взрослый член этого сообщества, в течение нескольких дней гонявшийся в лесу за этим самым животным? Он готов свалиться от усталости, но его поддерживает желание утолить вначале голод добытым такими трудами мясом. А тут еще этот мальчишка путается и из-под носа тащит лучшее мясо! Что должен сделать этот человек, еще не знающий тонкостей этикета? Скорее всего, он пнет ногой маленького нахала и займет его место. В следующий раз, возможно, мальчик, наученный опытом, сам, без пинка, уступит это место старшему.

Вполне возможно, что так или как-нибудь в этом роде начинали складываться первые правила взаимоотношений между старшими и младшими еще на заре человеческой цивилизации. Модель этих взаимоотношений проста, если не сказать – примитивна: сильный повелевает, слабый ему угождает. Но, кроме силы, в те ранние годы обнаруживалось еще одно преимущество старших – опыт. Человек бывалый и опытный лучше молодых мог выбирать удобное место расположения общины, предсказать погоду или иные природные явления, предостеречь от возможных неприятностей, указать время и место наиболее удачной охоты, рыбалки, а также выпаса скота или возделывания каких-нибудь растений. Он также мог лучше других оказать помощь больному или раненому. Наконец, он, имея многолетний навык, мог лучше выполнять многие работы по хозяйству. Мало того, он еще и обучал молодежь выполнению этих работ.

Все это заставляло еще людей первобытного общества относиться к старшим с должным почтением. Конечно же, среди пожилых людей далеко не все были одинаково опытны, ловки и мудры, как и среди младших не все были неумехами: у людей от природы способности разные, поэтому всегда были какие-то исключения из правила. Но общая закономерность все же была наверняка такова, как мы обрисовали.

Здесь меня могут спросить: а если человек достиг очень преклонного возраста и уже не способен ни что-то хорошо делать, ни даже подать разумный совет? Вопрос резонный и непростой. Видимо, он был непростым и для самого человеческого общества. Не случайно у многих народов мира существуют предания о временах, когда немощных старцев убивали сами соплеменники. Я не верю, что такое явление было когда-то распространенным, хотя оно и могло иметь место там, где природные условия не позволяли обществу прокормить своих немощных стариков. Возможно, что здесь народ просто в преувеличенной опозитизированной форме отразил свое отношение к проблеме уходящего поколения.

У адыгов тоже есть одно такое предание. Рассказывают, что когда-то в обществе богатырей-нартвов старых людей, которые не могли самостоятельно сесть на коня, усаживали в специальную корзину и сбрасывали с горы. Подошел черед и нарту Бадинокко таким вот образом расправиться с собственным отцом. Он смастерил корзину, посадил в нее одряхлевшего родителя и поднялся на гору, с которой, по обычаю, совершалось это жестокое действие. Когда наш герой пустил корзину с кручи, она вдруг зацепилась за какое-то деревце, росшее на склоне, и застряла. Бадинокко хотел было столкнуть ее вниз, но опешил при виде того, как его отец рассмеялся.

– Чему ты смеешься? – спросил он в недоумении.

– Я вспомнил, – отвечал ему отец, – как много лет назад и я был таким же молодым, как ты. Я тоже принес своего отца на эту гору, и его корзина тоже тогда зацепилась за такое же деревце. Пройдет время, и твой сын проделает то же самое с тобой, и, быть может, тогда и твоя корзина вот так же зацепится и зависнет над бездной, чтобы ты еще раз посмотрел на белый свет.

Подумал Бадинокко над словами отца и решил нарушить старый обычай. Он поднял корзину, спрятал отца в надежном месте и стал время от времени тайно приносить ему еду. Во время его посещений старик расспрашивал о жизни и делах нартского общества. Узнав о том, что на землю нартвов пришли засуха и голод, старик дал сыну умный совет, благодаря которому люди были спасены. Так он помогал мудрыми советами несколько раз. Бадинокко, следуя его словам, спасал общество от грозящей беды. Люди засомневались, что юноша Бадинокко может обладать столь редкостными познаниями, каковых нет ни у кого из них. Когда его стали донимать расспросами, он вынужден был признаться в том, что нарушил старый обычай и что всеми умными советами общество обязано не ему, а его престарелому отцу. С тех пор, гласит предание, перестали сбрасывать стариков с горы.

Так рассказывают, и здесь в художественной форме запечатлено то, что в обществе произошло естественным путем в результате развития. А произошло очень важное: люди не просто вдруг обнаружили полезность стариков. Несомненно, об этом знали и ранее. Дело в том, что с развитием общества нравы стали более человеческими, гуманными. Люди в своих поступках стали исходить не только из очевидной практической пользы. Если раньше старшего уважали из страха перед ним, как более сильным, или же из признания других его преимуществ, то со временем правила, связанные с отношением к старшему, стали стимулироваться еще одним важным обстоятельством: соблюдение этих правил являлось признаком хорошего воспитания и благородства. И если даже старший настолько слаб, что обществу от него нет никакой пользы, забота о нем являлась священной обязанностью всякого человека, который хотел бы считать себя достойным и благовоспитанным.

Нельзя также забывать еще об одной стороне дела. Помните, что ответил старик нарту Бадинокко: он сказал, что и его отец когда-то зацепился за это дерево и что, может быть, когда-то корзина и с самим Бадинокко вот так же здесь зацепится, ибо и его не минует судьба предшественников. Это есть признак так называемого временного мышления. Только низшие животные позволяют себе жить одними заботами о сиюминутных делах (да и то не всегда: многие звери запасают продукты впрок, на зиму или на случай голода). Человек же научился не просто мыслить, а и мыслить во времени. Он понимает, что младшие в будущем поступят с ним так же, как он ныне поступает со своим старшим. Поэтому, воздавая должное своим родителям и всем старшим, он как бы обеспечивает себе благополучное будущее. Видите: в общественном сознании уже появилось то, что обиходно мы называем практической мудростью.

Добавилось еще одно обстоятельство, которое также стало осознаваться не изначально, а лишь с течением времени: человек стал испытывать чувство признательности и благодарности к отцу, матери, другим предкам за то, что они не только произвели его на свет, но всечасно заботились о нем, вывели его в люди. С другой стороны, человек преклонного возраста не просто больше видел и больше знает, он еще и больше испытаний пережил, чем младшие, и теперь на старости лет имеет право на покой, заботу и внимание.

Все это откладывается в человеческом сознании тогда, когда личность выходит из периода дикости и приобретает черты поистине культурного создания. Не секрет, что доисторический дикарь, не желающий думать ни о чувствах другого человека, ни о последствиях для него же самого, нередко проявляется кое в ком и в наше время, казалось бы, столь отдаленное от времен первобытности... И, конечно, набивает себе шишки.

Время движется, человеческое общество в различных частях земного шара развивается разными путями. Поэтому некогда возникшие правила и нормы, предписывающие то или иное отношение к старшему, понемногу изменяются. Где-то жизнь делает необязательным выполнение строгих ритуалов почтительного отношения. Где-то обстоятельства совсем или почти совсем стирают древние обычаи, оттесняя их в область воспоминаний и предоставляя новым поколениям максимальную свободу. В других местах, напротив, эти правила и нормы становятся канонами, которые нужно выполнять беспрекословно. Можно с уверенностью говорить о том, что у народов Запада во взаимоотношениях между старшими и младшими свободы больше, нежели на Востоке, где старший порою чуть ли не обожествляется.

Посмотрите на карту Евразийского континента – и вы увидите, что Кавказ лежит на стыке между Азией и Европой, в аккурат на столбовой дорожке между этими двумя частями нашего материка. Дело здесь не только в географических понятиях, а в том, что две эти части являются родиной двух великих культур – западной, то есть европейской, и восточной. Занимая срединное положение, Кавказ многие века испытывает одинаково мощное культурное влияние и с той, и с другой стороны. Такое стечение обстоятельств дало нашей земле уникальную, кавказскую, культуру, в чем-то родственную Востоку, и Западу, но в то же время вполне самобытную. Это, к слову, отражено и в таких областях этикета, как отношение к старшему, отношение к женщине, отношение к гостю.

Вернемся, однако, к теме нашего разговора. В отличие от предыдущей темы, у нас есть длинный перечень предписаний, регулирующих отношение младшего к старшему в самых различных жизненных ситуациях. Естественно, что каждый народ по-своему видит эти взаимоотношения и, при всей общности основных принципов, частности имеют здесь множество вариантов. Дело не в том, что кто-то видит проблему лучше и глубже, а кто-то хуже, а скорее в том, что разные люди и разные группы людей выделяют те детали, которые для них являются более важными.

По сути, старшему по возрасту уделяется особое внимание у всех кавказских народов.

При появлении старшего считается, что следует немедленно встать и повернуться лицом к нему, одновременно приводя свою внешность в надлежащий порядок. Даже расстегнутая

на вороте пуговица могла быть признана знаком недостаточного уважения, проявляемого к старшему. Продолжать жевать, говорить, жестикулировать, а также держать руки в карманах, полулежать или стоять к старшему боком или, что еще хуже, спиной – все это у всех кавказских народов считалось признаками дурного воспитания.

Вместе с тем каждый вошедший или подошедший, даже если он и старше, должен был поздороваться первым. И только впоследствии старший брал инициативу разговора в свои руки. Младший по возможности должен был быть немногословным: его основная задача состояла в том, чтобы достойным образом поддерживать беседу, ни в коем случае не перебивая старшего, не повышая голоса и не уводя разговор от заданной ведущим темы. Если старшего хотели о чем-то спросить, это делалось только с его позволения и в удобный для того момент.

Весьма деликатная тема – пререкания со старшими. Основной установкой является формула: «Старший всегда прав». Естественно, нам, если мы молодые и горячие, далеко не всегда так кажется, даже если это и правда. Но признаком благовоспитанности будет молчаливо стерпеть обиду, подавить свое самолюбие и горячность ради уважения к старшему. Если вы и не оговариваетесь на его замечания, если вы и не пререкаетесь, даже мягкая по форме попытка доказать его неправоту может быть понята как посягательство на его авторитет. И чем доказательнее вы говорите, чем очевиднее делаете неправоту старшего, тем большей бестактностью будет считаться ваш поступок. Как же быть в случае, когда вы ощущаете себя совершенно правым, а старший вас несправедливо в чем-то винит? Конечно же, если вас обвиняют в мелком воровстве, которого вы действительно не совершали, следует деликатно, но со всей определенностью заявить об этом. Но даже если старший будет утверждать, что дважды два – пять, высмеивать его за это не следует, а надо мягко сказать, что вы до сих пор были другого мнения, но теперь обязательно будете учитывать услышанное. Впоследствии вам, возможно, представится случай намекнуть старшему наедине на его оплошность, и тогда он будет благодарен вам за то, что, зная истину, вы не стали его позорить при людях, выставляя напоказ его слабости.

В свою очередь, старший, заметив какой-либо изъян в поведении или во внешности, делает замечание спокойно и ненавязчиво. Если лицо, которому он делает замечание, незнакомо ему, старший расспрашивает, из каких мест и какого рода этот человек; сделанное после этого замечание как бы накладывает пятно на весь этот род или на всю местность, что еще более усугубляет осознание вины у собеседника.

В любом помещении, в компании старшему уделяется особое, почетное место. В комнате это обычно дальний от входа угол или другое наиболее удобное место. На открытой местности почетным считается более возвышенное место, с которого можно видеть всех других, но при этом – место наиболее удобное.

Если двое идут пешком или едут верхом, то место старшего справа. Вообще правая сторона всегда считается почетной у всех народов мира, а на Кавказе почитание правой стороны как более престижной и благой стало принципом.

При встрече со старшим в дороге младший не только первым здоровается, но и останавливается, выражая готовность оказать старшему услугу, если это потребуется.

В языке большего числа адыгов нет формы обращения на «Вы» к старшему. Но это никак не приводит к панибратству в обращении младших. Как справедливо пишет автор интересной книги «Очерки об адыгском этикете» Р. А. Мамхегова, *«весь речевой этикет продуман так, чтобы любой разговор, любая малая реплика на любую тему подчеркивали почтительное отношение к старшему»* (с. 106). К этому добавляется и то, что такое отношение красноречиво выражается также в позе, жестах, в тембре и силе голоса, в темпе речи.

Один любитель парадоксов изрек: *«Законы издаются для того, чтобы их нарушать»*. Из строгих правил почтения старшего тоже есть свои исключения, когда, напротив, старший может первым проявить внимание, предупредительность, почтение к младшему. Но это происходит в самых исключительных случаях, когда младший оказывается в роли гостя, если даже

не совсем и гостем в полном смысле этого слова. Р. А. Мамхегова в связи с этим приводит в пример отрывок из романа известного адыгского писателя Тембота Керашева. В этом отрывке речь идет о том, как, повстречав в пути знаменитого на весь край своими подвигами наездника, пожилой человек посчитал своим долгом оказать тому почести, причитающиеся старшему.

Если вы встретили в дороге одинокого человека пожилого возраста, следовало не только приветствовать его, сойдя со своей лошади, но еще и стать его спутником, если тот сам не освободит вас от этой обязанности. Рассказывают, что один молодой кабардинец, направляющийся на суд, куда он был вызван в качестве ответчика, в пути повстречал весьма уважаемого человека. Соблюдая древний обычай, он поворотил своего коня, и ничего не говоря, в течение всего дня сопровождал старшего, поскольку тот его не освободил от этой почетной миссии. Только вечером почтенный старец полюбопытствовал о цели поездки своего встречного. Юноша рассказал о своем положении, и на упрек, почему же он до сих пор молчал, пояснил, что не мог преступить обычай. Чтобы исправить свою оплошность, старший, по вине которого юноша попал в неприятное положение, поехал на следующий день в суд. Оказалось, что отсутствие ответчика было расценено судом как уклонение от заслуженной ответственности, и решение вынесли в пользу истца. Но прибывший употребил все свое влияние и добился пересмотра дела в пользу обвиняемого, мотивируя это тем, что такой высоко этикетный человек не может совершить вменяемый ему проступок.

* * *

В целом, уважаемый читатель, из всего, мною сказанного, вы могли бы заключить, что у младшего сплошные обязанности, а у старшего – одни только привилегии. К тому же, я здесь не упоминал таких прописных истин, которым нас с вами учат с самого раннего детства, ибо считаю, что вы их и без этого знаете. Да, старшие заслуживают оказываемого им почтения одним тем, что они больше нас живут на этом свете, больше трудятся и больше нашего претерпели всяческих трудностей. Но мы с вами ничего на веру воспринимать не станем. Нам нужно наглядно видеть, за что же мы должны уважать, уступать, даже терпеть не всегда заслуженные (как нам кажется) упреки. Давайте же на некоторое время перевоплотимся в старшего и познаем, чем же ему достается право поучать, упрекать, даже наказывать нас и ожидать от нас только уважения, внимания, повиновения. У старшего перед младшим, оказывается, обязанностей ничуть не меньше. А кое-кому, может быть, и не захочется вваливать на свои плечи тот груз ответственности, который по своему долгу несут старшие.

Итак, обязанности старшего.

Да, младший обязан уважать старшего, ибо так велит обычай на Кавказе. Но только ли за то, что тот раньше родился на свет? Нет, конечно.

Прежде всего, он должен проявить почти в любом деле больше знаний и умений, чтобы не на словах утвердить свое превосходство и право лидерства. Так, например, при выполнении какой-либо работы совместно с младшими он, как мы можем без труда догадаться, получает право распоряжаться, а мы должны подчиняться ему. Но при этом настоящий, достойный своей роли старший человек так разумно распределяет обязанности, что каждый будет занят по мере своих способностей, никто не останется без дела и никто не будет чрезмерно перегружен; это залог вероятного успеха и всеобщего удовлетворения; в ходе работы старший наглядно и образцово показывает младшим, как следует выполнять ту или иную операцию; в случае надобности он берет на себя часть работы – наиболее сложную и требующую большего мастерства и усилий.

Во всех затруднительных случаях (например, в дороге, в непредвиденных ситуациях) старший должен покровительствовать младшему, обеспечивая его безопасность, подсказывая верный выход из всякого трудного положения, правильно рассчитывая силы. При этом,

конечно, он не превращается в «няньку», а младший не просто ждет от него услуг: старший берет на себя инициативу и ответственность; он ведь обладает большим опытом, знаниями, и он лучше знает, как поступать самому и что должен делать младший. Его действия должны привести к успеху, к выходу из трудного положения. Этим он укрепляет собственный авторитет в глазах всех младших. Одновременно младшим преподается урок выдержки, мастерства и организаторских способностей. Эти качества понадобятся в жизни всякому.

Старший должен быть образцом выдержки и выносливости. Жизнь не только на Кавказе, но и в любом другом месте земли может быть сопряжена со всяческими испытаниями. Поэтому среди кавказцев во все времена ценились такие качества, как самообладание, выносливость, выдержка, мужество. Старший не только требует от младших проявления этих качеств, но прежде всего сам демонстрирует их. Он первым выходит навстречу опасности, первым берется за самые сложные дела. Как бы тяжело ему ни было, старший не только не перекладывает своей доли на младшего, но и старается не показать насколько ему тяжело. Жаловаться вообще не в обычаях кавказцев. По этому поводу вспоминается одно предание.

Один знатный человек зимней ночью отправился в дальнюю дорогу. Его провожатый, молодой и неопытный наездник, несколько раз пожаловался на ненастье и холод. А была зима, дул студеный ветер, швыряя мокрый снег прямо в лицо. Когда юноша в очередной раз помянул непогоду, старый наездник взъехал на высокий курган, спешил, расстелил на земле свою бурку и, велел спутнику никуда не отлучаться, сам растянулся на бурке, словно для отдыха в жаркий день, и, как бы в сладкой полудреме, провел остаток ночи. Утром он встал, отряхнулся и, продолжив путь, объяснил молодому человеку, что не пристало истинному мужчине не только жаловаться, но даже обращать внимание на неудобства, а тем более – показывать другим, насколько эти неудобства тяжелы.

Конечно же, ему, как и всякому другому, было холодно и, быть может, даже больно. Но выдержка и умение подчинять свой организм собственной воле поистине вызывают уважение и даже восхищение. После такого красноречивого урока юноша, конечно же, навсегда оставил привычку ныть и искать какие-либо оправдания своим слабостям.

Еще одна немного схожая ситуация.

Так же ехали двое ночью, ехали мимо аула, и младший сказал, что здесь живет его сестра, которую он хотел бы повидать. Старший сказал ему: «Что ж, повидай». Тот не удосужился пригласить своего спутника вместе с собой. А в доме, куда он вошел, его приняли должным образом: угостили, обогрели, оставили ночевать. Наутро, выезжая, он обнаружил за околицей, где они ночью расстались, своего спутника, который прождал его всю ночь. На удивленный вопрос, почему он его ждал, старший лаконично ответил: «Разве пристало мужчине бросать в пути своего спутника!»

Как это часто бывает в народных сказаниях, здесь, да и в первом предании тоже, многое преувеличено. Но делается это для того, чтобы подчеркнуть важность главной идеи – нет ничего выше верности долгу, выше чувства высокого достоинства. Этим качествам младшие учились на преданиях, песнях о героях и на конкретных примерах из жизни старших.

Еще одно предание, герой которого – реальная историческая личность. Рассказывают, что дворянин Исмел Конов, владелец аула Коново (ныне – Нижний Куркужин) славился многими достоинствами.

Однажды случилось, что он сломал ногу. Наши костоправы были настолько искусны, что о них восторженно отзывался сам великий Пирогов, знаменитый русский хирург. Один из таких лекарей выправил поломанную ногу и вылечил больного. Осматривая, как ему казалось, в последний раз ногу своего пациента, лекарь, почти удовлетворенный, сказал: «Все хорошо. И хромоты никакой. Разве что нога чуть-чуть кривая». Этого было достаточно, чтобы Исмел Конов лег на кровать, высоко поднял ногу и, с силой ударив ею о спинку кровати, заново

сломал ее: «Выправляй ее заново! – сказал он костоправу, – меня всю жизнь называли Коновым Исмелом, не хочу, чтобы мне на старости лет дали прозвище Колченогий Исмел».

Никто не скажет, что ему не было больно. Но у него хватило выдержки и самообладания не показать этого! Зато никто не сказал и того, что он так и остался с искривленной ногой только потому, что побоялся боли.

Кстати, старший обязан был строго следить и за своей внешностью. В этом он также показывает пример – пример опрятности, самодисциплины, хорошего вкуса. Если даже одежда небогатая, она должна быть чистой, выглаженной, подобранной со вкусом. Сам он – подтянут и чисто выбрит. Даже одна пуговица на вороте рубашки может говорить о многом: если она неуместно расстегнута, к человеку будет уже меньше почтения. На Кавказе это строго соблюдалось.

Конечно, не все, что сказано, можно встретить сейчас именно в таком идеальном виде. Но все же истина – если старший держит себя подобающим образом, то и уважение к нему будет соответствующее.

Вот и оказывается, что быть старшим и придерживаться хотя бы части тех принципов, которые ему предписываются, не так-то просто. А мы не ощущали этого, потому что старшие умеют делать не напоказ, неприметно, ибо еще один важный принцип, который предписывает этикет, – это скромность.

Нам, конечно, чаще доводится быть в роли младших. Но и в школе, и в семье иногда выпадает и нам побыть в роли старшего. С годами это будет случаться все чаще и чаще. Поэтому нам следует присматриваться к старшим, перенимать от них все, что вызывает почтение. Тогда и мы будем людьми воспитанными, и нашим младшим сумеем передать то хорошее, что наши отцы, матери, старшие братья переняли у своих старших и передали нам как эстафету.

Закljučая эту часть нашего разговора, можно уверенно сказать, что уважительное отношение к старшему на Кавказе сохраняется не просто по традиции. Старших почитают, не слепо подчиняясь древним заветам и совсем не бездумно. Они не силой насаждают наше отношение к себе, а заслуживают его своей жизнью, своим трудолюбием, знаниями и житейской мудростью. Очень точно сказал о старших замечательный дагестанский поэт Расул Гамзатов:

Они в горах живут высоко,
С времен пророка ли, Бог весть,
И выше всех вершин Востока
Считают собственную честь.

Именно за то, что наши старшие хранят свою честь, считая ее самым большим богатством, мы и уважаем их. Когда же человек не имеет чести и достоинства, никакое богатство не заставит людей его уважать.

И еще вот что: первая строка этого четверостишия означает не просто то, что старики на Кавказе живут на большой высоте над уровнем мирового океана, она иносказательно указывает на высоту духа наших старших, на их высокое благородство.

* * *

Есть у нашей темы еще одна сторона – отношение не к старшему по возрасту, а старшему по должности. Когда говорят «Кавказ», вспоминаются сразу же эпитеты «вольный», «мятежный». Со времен Пушкина и Лермонтова многие поэты воспевали наш край как родину свободолюбивых и гордых людей. Слепое чинопочитание и бездумное подчинение должностным лицам только по причине занимаемой должности были чужды нашим предкам. В отличие и от

Запада, и от Востока кавказцы, даже самого простого безвестного рода, не имели обыкновения кланяться своим или чужим господам.

Это, однако, не означает, что здесь царила анархия или же в обычае было одно лишь подчинение старшим по возрасту. Отнюдь нет. Наибольшая часть обозримой истории народов Кавказа падает, пожалуй, на период феодальной формации. Князья и дворяне или сельские старшины имели определенную власть над подданными, и это обязательно отражалось на общественной жизни, на характере взаимоотношений людей. Но особенность Кавказа заключается в том, что господин не унижал своего холопа, а тот никогда не терял осознания того, что он человек. Как же эта проблема преломляется в нашем быту сегодня? Когда люди вступают в деловые или производственные отношения, там, конечно, право старшего по возрасту фигурирует минимально. В таких случаях главенство переходит к тому, кто старше по должности. И это правильно, поскольку он отвечает за исход дела и перед вышестоящим начальством, и перед людьми. Поэтому он должен иметь всю полноту власти. Но и здесь умный руководитель, которому дорог авторитет в коллективе, может своим вниманием выделить старшего по возрасту, обратившись к нему за советом, или младшего – подбодрив его уместной похвалой. Как то, так и другое стимулирует настроение людей.

Но когда та же самая группа людей оставляет работу и собирается вместе где-то вне своего предприятия или учреждения (а быть может, и в самом учреждении, но не по производственным вопросам, «в неформальной обстановке»), приоритет должен переходить к старшему по возрасту. Это и демократично, и вполне соответствует духу кавказского этикета.

* * *

В заключение хочу к уже приведенным выше предписаниям добавить еще несколько. В большинстве своем они почерпнуты мной из двух источников – книги известного педагога и литератора Нурби Жиляева «Воспитание характера на народных традициях» (издано на кабардинском языке: Щэнгъасэ. Налшык, 1995) и наставлений замечательного просветителя Адама Дымова, который жил в начале нашего столетия и вместе с другим удивительным человеком, Нури Цаговым, издавал первую на кабардинском языке газету, создал первую типографию и книжное издательство (материалы взяты из книги «Адаб баксанского культурного движения». Нальчик, 1991). Должен оговориться, что я не цитирую, а только черпаю мысли из этих книг и несколько вольно формулирую их на русском языке, но ни на сколько не изменяю сути.

* * *

Когда мой брат попросил меня сходить на базар за хлебом, я с радостью согласился; несмотря на сильный дождь, принес хлеб и угостил моих младших братьев и сестер. В вазе лежали два яблока, их бы на всех нас не хватило, поэтому я разрезал каждое на две части и поделил между домашними, не оставив доли себе.

В присутствии моих родителей или старших, или же тех, кто имеет больший авторитет, чем я, я во весь голос не кричу. Оскорбительных слов не употребляю. Если кто-то резко заговорит со мной, стараюсь успокоить его мягким словом.

* * *

Один царь решил посмотреть, как живут его люди, переодетым вышел в город и увидел человека, телега которого застряла в грязи. Этот человек просил всех прохожих помочь ему, но никто не хотел ради этого лезть в грязь. Тогда царь спешил со своего коня, подтолкнул

телегу и помог вывезти ее из грязи. Хозяин телеги узнал царя и стал извиняться перед ним за причиненное беспокойство. «Почему ты извиняешься, – отвечал ему царь. – Ты ни в чем не провинился. Мы оба, и я и ты, дети Адама и Евы. Человек человеку обязан помогать, и в этом нет ничего позорного для обоих. Позор – когда один другому не помогает».

* * *

Когда старший выйдет на улицу, вслед его не окликают, а при необходимости догоняют и передают ему забытую вещь или же говорят то, что забыли сказать вовремя.

* * *

То, что решено старшими, не перерешают, ничего туда не добавляют и не убавляют.

* * *

В присутствии старшего не говорят с сигаретой в зубах, с запахом винного перегара изо рта, сунув руки в карманы или став в театральную позу.

* * *

Идущему старшему дорогу не переходят и речи его не перебивают.

В присутствии старшего и без его разрешения младшие не садятся, его сиденье другие не занимают, если даже он ушел надолго.

* * *

Со старшим не принято разговаривать в дерзком тоне, его не передразнивают; также при его уходе после этого не свистят и не смеются, чтобы он не подумал, будто это относится к нему.

* * *

Поговорка гласит: «Если ценишь старшего, сам будешь ценим».

* * *

Юноша не садится в застолье за одним столом со своим отцом, дядей или старшим братом. Считается, что сидящие за одним столом и вкушающие с него – равны.

Женщина и этикет

Срединное положение Кавказа между странами западной культуры и странами Востока существенно отражено и на положении женщины в традиционном кавказском обществе. Если сказать по правде, то отношение к женщине противоречиво как у народов Востока, так и на Западе. Мы привыкли говорить о закрепощенном положении женщины в странах Ближнего Востока и Центральной Азии, и этому есть свои основания. Она была здесь традиционно лишена элементарных прав, ею могли торговать, как живым товаром, она не имела возможности принимать прямое участие в решении общественных вопросов. В то же время великие поэты Востока посвящали ей вдохновенные стихи, женщину, особенно мать, превозносили и ставили чуть ли не наравне с божествами. Поэтому утверждать однозначно, что у восточных народов женщина была абсолютно закрепощена, тоже несправедливо.

На Западе было несколько иначе. Разумеется, и там поэты слагали вдохновенные стихи и поэмы о любви и даже посвящали даме своего сердца целые книги великолепных поэтических творений. Но если на Востоке «дама сердца» не могла порою даже появиться среди людей с открытым лицом, то женщины-европейки знатного происхождения были неизменной частью жизни своего общества и нередко оказывали немалое влияние на политическую жизнь целых государств. Вместе с тем и здесь они не занимали официальных должностей в государстве; женщины не становились министрами и не заседали в парламентах, хотя, что, быть может, несколько странно, – могли в качестве королев возглавлять государства. И все же вплоть до XX века круг занятий европейской женщины ограничивался, как говорят немцы, четырьмя К: Kinder, Kuche, Kleider, Kirche – дети, кухня, одежда, кирха (церковь). Значит, и здесь неравноправие и противоречивость!

А как было на Кавказе? Увы, двойственное отношение, господствующее в разных частях земли, не миновало и наш уголок. Женщина Кавказа не была закрепощена настолько, как это было в классических восточных странах, хотя такой свободы, как у европейской женщины, у нее не было. Впрочем, если мы будем только судить и давать оценки с позиций нашего времени, вряд ли мы сможем разобраться в самом нынешнем состоянии. А поэтому давайте немного заглянем в историю.

В древние времена был такой период, который назывался матриархат. Семьи как таковой в ту пору еще не существовало, и из двух родителей дети в основном знали только мать. Женщина же вела основное хозяйство, так как мужчины-добытчики по большей части пропадали на охоте, рыбной ловле, в поисках съедобных растений, плодов и всего прочего. Хоть женщина и слабее мужчины, но, благодаря своей важной роли в жизни человеческого сообщества тех времен, она все же пользовалась высоким авторитетом. Это укреплялось еще тем, что ей приписывались сверхъестественные способности, которыми никак не мог обладать мужчина. Возможно, еще оттуда идет традиция почитания женщины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.